

А. Г. Хайрутдинов

Обособленное структурное подразделение ГНБУ

«Академия наук Республики Татарстан»

«Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ»

(Казань, Россия)

Частное учреждение — образовательная организация высшего образования

Московский исламский институт

(Москва, Россия)

«АЛ-ЛУЗУМИЙАТ» МУСЫ БИГИЕВА И ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ АБУ АЛ-'АЛА' АЛ-МА'АРРИ *

ХАЙРУТДИНОВ Айдар Гарифутдинович —

канд. филос. наук, доц.; и. о. зав.,

Отдел истории религий и общественной мысли им. Я. Г. Абдуллина,

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

(420014, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, 7);

руководитель, Центр изучения наследия Мусы Бигиева,

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).

E-mail: khaidar67@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0648-0466

Аннотация: В статье представлен краткий обзор переводческой работы Мусы Бигиева «Ал-Лузумийат», в которой он познакомил читателей

*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

© А. Г. Хайрутдинов, 2025

© Ислам в современном мире, 2025

с творчеством средневекового арабского поэта-философа ал-Ма'арри, осуществив выборочный перевод бейтов его поэмы «Лузум ма ла йалзам» до восьмой буквы арабского алфавита включительно. Исследована российская историография, связанная с именем поэта, в которой татарские авторы М. Бигиев (1907) и Р. Фахретдинов (1908) являются первыми представителями отечественного научного сообщества, обратившими внимание на биографию и творчество ал-Ма'арри, опередив И. Крачковского (1910) и А. Крымского (1911). Показаны основные моменты критики Бигиевым традиций и методологии мусульманской биографической литературы, где он обращает внимание на ее необъективность, предвзятость и перекосы при описании биографий видных персон мусульманской истории. По его мнению, такой подход оказал резко отрицательное влияние на духовное и интеллектуальное состояние мусульман, направив их к ложным задачам и целям. Раскрываются новаторское понимание, методология и неординарные подходы Бигиева к жизнеописанию как к историко-литературному жанру, его стремление придать подобным исследованиям духовную, интеллектуальную и научную значимость. Бигиев акцентирует внимание на описании общественной пользы, принесенной тем или иным человеком, и предлагает отказаться от описания его религиозного рвения и набожности, как качеств, имеющих глубоко личную природу и не представляющих ценности с точки зрения исторической науки. Тем самым Бигиев обозначает новые ценностные ориентиры для себя и для писателей-биографов будущего. В заключении говорится о ряде методологических и в целом научных явлений современности, о которых Бигиев заявил более ста лет тому назад, выступив исследователем, опередившим научный прогресс на столетие. Речь идет о его исследовании субъективности мусульман и об оставленном им примере публичной идентичности — исследовательских направлениях, возникших в последние десятилетия развития науки.

Ключевые слова: Бигиев, ал-Ма'арри, Ал-Лузумийят, историческая биография, субъективность мусульман

Для цитирования: Хайрутдинов А. Г. «Ал-Лузумийят» Мусы Бигиева и особенности жизнеописания Абу ал-'Ала' ал-Ма'арри // Ислам в современном мире. 2025. Т. 21. № 2. С. 185–206; DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-2-185-206

Поступила в редакцию: 15.04.2025

Одобрена после рецензирования: 18.05.2025

Принята к печати: 03.06.2025

*К 150-летию со дня рождения М. Бигиева
(1875–1949)*

Введение

В период татарского ренессанса на рубеже XIX–XX вв. общественное внимание было привлечено к вопросам культурного обновления и развития, частью которых явилась потребность в рационализации религиозных представлений и в избавлении от ошибочных и, нередко, ложных догм, препятствующих духовному и интеллектуальному росту людей. Попытки решить перечисленные проблемы предпринимались татарскими интеллектуалами-просветителями той эпохи: Г. Курсави (1776–1812), Ш. Марджани (1818–1889), Х. Фаизханов (1823–1866), К. Насыри (1825–1902), И. Гаспринский (1851–1914), А. Ибрагимов (1857–1944), Р. Фахретдинов (1859–1936), З. Камали (1873–1942) и многими другими.

Не обошел вниманием эти проблемы и выдающийся теолог и общественный деятель Муса Бигиев (1875–1949). Свои разноплановые труды он посвящал решению актуальных проблем татарского народа и мусульманской уммы. Среди работ Бигиева особое место занимают переводы двух образцов средневековой мусульманской поэзии: в 1907 г. он перевел с арабского языка и издал «Лузум ма ла йалзам» («Обязательность необязательного») Абу ал-‘Ала’ ал-Ма‘арри, назвав его «Ал-Лузумийят»¹, а в 1912 г. издал — «Диван» Хафиза Ширази, переведенный им с персидского языка и названный «Диваны Хафиз тәржемәсе»² («Перевод стихотворного сборника Хафиза»).

«Ал-Лузумийят» Мусы Бигиева

В настоящей статье представлены краткий обзор «Ал-Лузумийят» и методологические особенности изложения Бигиевым биографии Абу ал-‘Ала’ ал-Ма‘арри (973–1057), изданной в одном томе с выборочным переводом бейтов его поэмы «Лузум ма ла йалзам».

Говоря об историографии вопроса, мы вынуждены говорить о двух почти не пересекавшихся в то время исследовательских мирах: русскоязычном и татароязычном. При этом интерес к Абу ал-‘Ала’ ал-Ма‘арри в обоих мирах возник приблизительно в одно время — в начале XX в. Если не брать во внимание спорадические упоминания ал-Ма‘арри из публиковавшейся в России переводной литературы³, то в русскоязычной

¹ Бигиев М. Фэйлсүф имам кәбир Аби әл-Галәә әл-Мәгарри хәзрәтләренәң әл-Лөзүмийят намында бөөк әсәрендән интихабән бер биң өч йөз кадәр әбыйат гыйльмийә тәржемә улынды Муса Бигиев каләмәйлә. Казань: Электро-типография Шараф, 1907. 266 б.

² Бигиев М. Диван-ы Хафиз тәржемәсе. Казан: «Үрнәк» матбагасы, 1910. 145 б.

³ Например, в книге «Ислам в его влиянии на жизнь его последователей» Иоганн Гаури приводит два бейта из творчества ал-Ма‘арри. См: Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей / пер. с нем. [и предисл.] П. И. Хомутова; Иоганн Гаури, пастор в Давосе. Ташкент: Типо-лит. бр. Каменских, 1893. [4], XII, 578 с.

историографии первое достойное внимания упоминание ал-Ма'арри содержится в XVIII томе энциклопедии Брокгауза и Ефрона¹. Источниками этой статьи объемом около 1500 знаков были работы двух западноевропейских ученых: Шарля Пьера Генри Рье² «*De Abû l-Alâ al-Ma'arrî vita et carminibus*»³ (Бонн, 1843) и Альфреда фон Кремера⁴ «*Über die philosoph. Gedichte des Abu l-Ala al-Ma'arrî*»⁵ (Вена, 1888). Ввиду этого, словарную статью нельзя принимать как результат труда отечественных ученых. Первые имеющие характер научного исследования работы об ал-Ма'арри появляются из-под пера И. Ю. Крачковского, который в 1910 г. публикует статью «Ал-Мутанаббй и Абӯ-л-Ала»⁶, и в монографии А. Е. Крымского «Арабская литература в очерках и образцах» (1911)⁷. Затем вновь публикуется посвященная творчеству ал-Ма'арри статья И. Крачковского «Об издании “Абу-л-Ала ал-Ма'арри”» (1915)⁸, который продолжил заниматься творчеством ал-Ма'арри и в советский период: в 1925 г. он опубликовал статью «К вопросу о возникновении и композиции “Рисалат ал-гуфран” [“Послание о прощении”] Абу-л-Ала»⁹, в 1932 г. — «Абу-л-Ала ал-Ма'арри. “Рисалат ал-малаика”»¹⁰ [«Послание об ангелах»], в 1944 г. — «Ал-Ма'арри, ар-Рейхани и Ленинград»¹¹. Советский исследователь С. Г. Широян в 1957 г. посвящает Ма'арри статью «Великий арабский поэт и мыслитель Абу-ль-Аля ал-Ма'арри»¹², в 1962 г. в «Восточном альманахе» публикуются

¹ Энциклопедический словарь. Т. XVIII. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрон, 1896. С. 280.

² Шарль Пьер Генри Рье (Charles Pierre Henri Rieu; 1820–1902) — швейцарский востоковед, выпускник университет Бонна, где в 1843 г. получил степень доктора. С 1847 г. служил в Британском музее, после двадцати лет работы ему предложили новую должность — хранителя восточных рукописей. В 1871 г., завершил вторую часть «*Catalogus codicum manuscriptorum orientalium*», посвященную арабским рукописям, которая была начата Уильямом Кьюртоном, и выпустил дополнительный том в 1894 г. Он также составил Каталог турецких рукописей (1888) и Каталог персидских рукописей (4 тома, 1879–95), последний из которых является хранилищем информации о книгах и их авторах. В 1895 г. стал профессором арабского языка в Кембриджском университете. (источник: «Rieu, Charles Pierre Henri» // *Encyclopædia Britannica*. Vol. 23 (11th ed.). Cambridge University Press. P. 325).

³ Пер. с лат.: «Жизнь и песни Абу-л-Ала ал-Ма'арри».

⁴ Альфред фон Кремер (Alfred von Kremer; 1828–1889) — австрийский востоковед, профессор арабского языка в Вене, консул в Каире, генеральный консул Австрийской империи в Бейруте (источник: Энциклопедический словарь. Т. XVI (31). Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). С.-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрон, 1895. С. 633).

⁵ Перев. с нем.: «О философе. Стихи Абу-л-Ала ал-Ма'арри».

⁶ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 63–115.

⁷ Крымский А. Е. Арабская литература в очерках и образцах. М.: Типо-лит. Ю. Винер, 1911. 402 с.

⁸ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 2. С. 183–190.

⁹ Там же. С. 297–308.

¹⁰ Там же. С. 392–416.

¹¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 3. С. 261–263.

¹² Широян С. Г. Великий арабский поэт и мыслитель Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. М.: «Знание», 1957. 32 с.

выборочные фрагменты из сборника «Лузумийят» в переводе В. Демидчика¹, в 1979 г. издается сборник стихотворений Ма'арри в переводе А. Тарковского с подстрочника И. Фильштинского², а в 1985 году выходит в свет работа Б. Шидфар «Абу-ль-Аля ал-Ма'арри»³. Наконец, в 1990 г. Б. Шидфар принимает участие в издании еще одного сборника избранных стихотворений поэта⁴.

Таким образом, биография ал-Ма'арри и перевод бейтов его поэмы «Лузум ма ла йалзам», написанные М. Бигиевым и изданные в Казани в 1907 г., а также увидевшая свет в 1908 г. работа Р. Фахретдина «Әбу әл-Галәә әл-Мәгарри»⁵ [«Абу-л-Ала' ал-Ма'арри»], являются первыми в России научными трудами, познакомившими с жизнью и творчеством арабского поэта тюркоязычного читателя не только на родине их авторов, но и за пределами государства. При этом нельзя пройти мимо рукописной работы знаменитого татарского теолога Шихабутдина Марджани (1818–1889) «Вафиййат ал-аслав ва тахиййат ал-ахлаф» («Верность предшественникам и приветствие потомкам»). Это фундаментальное историко-биографическое сочинение включает в себя 6057 жизнеописаний деятелей исламского мира, начиная с самого начала его истории. В этой работе Марджани, стремившийся подчеркнуть духовную связь татар с общемусульманской культурой, уделил место и краткому описанию биографии, личных качеств ал-Ма'арри, некоторых событий из его жизни, привел названия его трудов, а также процитировал несколько бейтов из его стихотворного творчества. В настоящее время часть рукописи с биографией ал-Ма'арри издана в переводе на русский язык и доступна читателю⁶.

Что касается изученности биографии и творчества ал-Ма'арри в мусульманском мире, то об этом Бигиев пишет следующее:

«Занимаясь написанием жизнеописания имама, являвшегося исламским философом, я могу привести из биографических трудов лишь три-четыре строчки о нем. Ибо даже если и существует подробная биография, соответствующая величию этого великого наставника, то я не смог обнаружить ее ни в одной из изученных мною книг»⁷.

¹ Из сборника «Лузумийят» / пер. с араб. В. Демидчика // Восточный альманах. М., 1962. Вып. 5. С. 327–332.

² Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. Стихотворения / пер. с араб. А. Тарковского; вступ. ст., примеч., подстрочн. пер. И. Фильштинского. М.: Художественная литература, 1979. 184 с.

³ Шидфар Б. Я. Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. М.: «Наука», 1985. 214 с.

⁴ Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. Избранное / пер. с араб.; сост.; предисл., примеч. Б. Шидфар; подстрочн. пер. стихов И. Фильштинского и Б. Шидфар; худож. А. Семенов. М.: Худ. лит., 1990. 430 с.

⁵ Фахретдин Р. Әбуәл-Галәәәл-Мәгарри. Оренбург: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1908. 76 с.

⁶ Марджани Шихабутдин. Верность предшественникам и приветствие потомкам: перевод с арабского избранных биографий, исследование, комментарии, факсимиле разделов о Волго-Уральском регионе. Казань: Магариф–Вақыт, 2022. 856 с.

⁷ Бигиев М. Фэйләсүф имам кәбир Аби әл-Галәә әл-Мәгарри. С. 8.

Так Бигиев привлекает внимание к тому, что не только поэма ал-Ма'арри, но и история его жизни были преданы забвению. Следовательно, названные выше труды двух татарских интеллектуалов к моменту издания представляли собой новое слово в мусульманской историографии и литературоведении.

Обзор «Ал-Лузумиййат»

Полное название рассматриваемого источника: «*Фэйләсүф кәбир имам Әби әл-Галәъ әл-Мәгарри хәзрәтләренең әл-Ләзүмиййат намында улан бөөк әсарендән интихабән тәржемә*» («Выборочный перевод из великого произведения “Ал-Лузумиййат”¹ выдающегося философа, досточтимого имама Абу ал-Ала' ал-Ма'арри»). В ней представлен перевод около трехсот избранных бейтов. При 266 страницах объем книги равен приблизительно 14 а. л. Язык перевода правильнее назвать татаро-османским или особым стилем турецкого языка, выработанного Исмаилом Гаспринским, при помощи которого он «мечтал объединить весь тюркский мир»². Это позволяло Бигиеву адресовать свои труды не только татарам, но и читающей аудитории Османского государства, и вообще — всего тюрко-мусульманского мира.

«Ал-Лузумиййат» состоит из трех частей. Первая часть представлена вступительным словом Бигиева «*Мәтәрҗимдән бер-ике сүз*» («Несколько слов от переводчика»). Во второй части, названной «*Ләзүмиййат сахибы Әби әл-Галәъ хәзрәтләренең тәржемәи хәлә*» («Жизнеописание создателя «Ал-Лузумиййат» досточтимого Абу ал-Ала'») Бигиев излагает биографию и взгляды ал-Ма'арри, отводя этому 56 страниц. Третья часть работы представляет собой собственно перевод бейтов ал-Ма'арри с арабского языка с нерегулярными комментариями Бигиева. Она не имеет отдельного названия, но предваряется отдельным титульным листом и снабжена собственной пагинацией. После *басмалы* начинается перевод бейтов с главы, названной «Баб ал-хамза» («Глава буквы “хамза”»). Последняя глава в рассматриваемом издании — «*Фасл ад-даль*» («Раздел буквы “даль”») — показывает, что Бигиев дошел до восьмой буквы арабского алфавита включительно. Однако судя по уточнению во вступительном слове, он намеревался продолжить свой перевод, посвятив ему от 15 до 20 выпусков³.

¹ Здесь и далее: «Ал-Лузумиййат», за исключением цитат.

² Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) Oxford: The Society for Central Asian Studies, 1986. С. 84.

³ Бигиев М. Фэйләсүф имам кәбир Аби әл-Галәъ әл-Мәгарри. С. 4.

Интересно и название «Ал-Лузумийат» (اللزوميات) (рис. 1), данное Бигиевым его переводу и выделенное крупным шрифтом на обложке и титульных листах. Арабографичное начертание этого слова очень выигрышно, поскольку оно одинаково понятно и читателю-арабу, поскольку перед ним — арабское слово, и любому образованному мусульманину неарабского происхождения, в том числе и тюрку, владеющему арабским языком или как минимум графикой. Такое название Бигиев дал своему переводу преднамеренно, поскольку оно, с одной стороны, отсылает к поэме ал-Ма'арри, а с другой — несет в себе самостоятельный посыл, подразумевающий, что идеи ал-Ма'арри и переводческие комментарии к ним Бигиева следует воспринимать как свод необходимых для его соплеменников идей и императивов. Последнее хорошо видно в аннотации, умело построенной Бигиевым на игре слов, образованных от арабской корневой основы л-з-м:

«Несмотря на то, что понятие “лузумийат” в традиции литераторов имеет значение обязательства (илтизам) использовать одну или две буквы, которые не требуются (лязем дагел) для рифмы, каждому шакирду¹ необходимо (лязем) знание, заключенное в бейтах этого стихотворного сборника мудрости, и его запоминание. В силу сказанного, более верно и более уместно заявить, что “Лузумийат” имеет значение “научных, этических и правовых бейтов, которые необходимо (лязем) заучить наизусть”»².

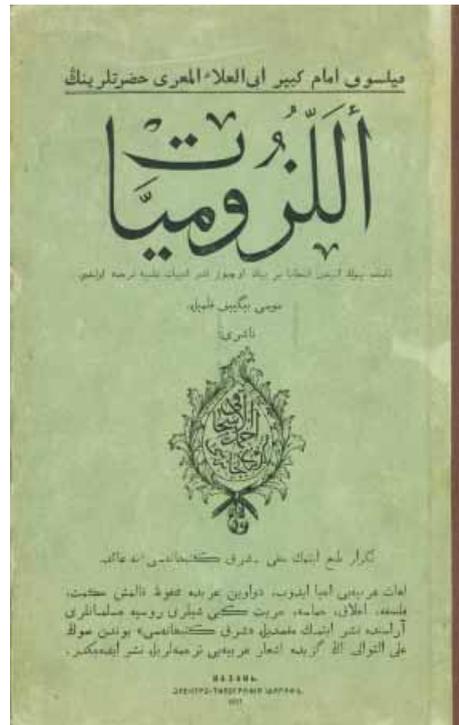

Рис. 1. Обложка книги «Ал-Лузумийат». Архив автора

¹ Шакирд (перс. : شاگرد) — ученик ученого; подмастерье; учащийся, студент религиозного учебного заведения.

² Текст размещен на титульном листе рассматриваемого издания.

Критика мусульманской биографической традиции и новые ценностные ориентиры жанра

Бигиев начинает разговор об ал-Ма‘арри с особенностей собственной методики описания биографии — этого «старейшего из исторических жанров»¹. В качестве первого шага он вносит ясность в определение смысла термина *тарджам*:

«Слово “*тарджам*” в его известном смысле используется в значении перевода с одного языка на другой книги или какого-либо предложения. Это значение понимает и знает каждый. Однако в традиции наших знатоков хадиса слово “*тарджам*” имеет и другие значения»².

Бигиев пишет, что слово *тарджам* использовалось в хадисоведении в качестве термина, подразумевающего разъяснение тех или иных тем, к которым было принято приводить доказательства в положительном или отрицательном ключе. Например, такие темы, как («Глава о рецитации Корана позади имама» (араб. *باب القراءة خلف الامام*), «Глава о начале ниспослания Откровения» (араб. *باب كيف بدى الوحي*), «Глава о проявлении упования Пророка [на Аллаха]» (араб. *باب هل توكل النبي*) и др.) и соответствующие объяснения-*тараджим* (форма мн. ч. от *тарджам*). По Бигиеву, квинтэссенция данного значения термина отражена в известной формулировке: «Весь фикх заключается в объяснениях (*тараджим*) ал-Бухари» (араб. *كل الفقه فى تراجم البخارى*)³.

Второе значение термина означает *иснад* (цепочка передатчиков), что, по словам Бигиева, подтверждается известной в среде факихов формулировкой «Признана *тарджам* (иснад) ‘Амра б. Шу‘айба, через его отца от его деда» (араб. *ترجمة عمر وبن شعيب عن ابيه عن جده مقبوله*)⁴.

Третьему значению термина, идентичному понятию «биография, жизнеописание», Бигиев посвящает обширный комментарий, который ему необходим для объяснения и обоснования собственной методологии написания биографического труда:

«Тарджам — это описание или рассказ о религиозной, нравственной, научной, интеллектуальной сторонах жизни какого-либо человека, освещающий такие его качества, как справедливость, надежность, пунктуальность и сила его памяти. Знатоки хадиса именно в таком значении используют слово “тарджам” в сборниках биографий передатчиков

¹ Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Ю. В. Дунаева. М., 2011. С. 5.

² Бигиев М. Фэйләсүф имам кәбир Аби әл-Галәә әл-Мәгарри. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

хадисов (кутуб ар-риджал) и [говоря] о категориях передатчиков хадисов (кутуб ат-табакат). В таком значении слово “тарджама” было широко распространено и известно в кругах знатоков хадиса. В числе наук, занимающихся хадисами, в качестве важнейшей науки была признана такая дисциплина, как “знание о положениях передатчиков хадисов” (‘илм ахвал ар-риджал). Знатоки хадиса не пренебрегали фиксацией на письме всяких фактов и состояний, касающихся как отдельных случаев из жизни рассказчиков хадисов, так и их жизни, в целом. Однако, поскольку поле зрения знатоков хадиса было ограничено выяснением правдивости передатчиков хадисов касательно их рассказов и силы их памяти в том, что относилось к передаче хадисов, естественно, что исследования знатоков хадисов затрагивали только степень набожности людей, имевших отношение к этому процессу, и их способность к точному запоминанию»¹.

Бигиев заявляет о своем намерении отказаться от подобной традиции ввиду ее отрицательного влияния на умы читателей. По его мнению, настало время, когда совершенно неуместно заниматься разглагольствованиями о степени набожности или описанием справедливости объекта биографического исследования. По мнению Бигиева, положительные или отрицательные качества и характеристики человека не должны становиться объектом внимания биографа, и уж тем более он не должен утверждать что-либо ни в целях создания позитивного образа описываемого человека, ни в целях его порицания. В подтверждение своей позиции он приводит аяты Корана: «Он лучше знает тех, кто богобоязнен!»² и «...и вас не спросят о том, что делали они»³, — которые, по его мнению, свидетельствуют о том, что если человек и приближается к Господу, то он делает это, занимаясь сугубо личным делом — выстраиванием собственных отношений с Богом, которые не принято выставлять напоказ. Поэтому, как считает Бигиев, недопустимо создание в глазах читателей положительного образа кого бы то ни было, характеризуя его как великого или святого человека в силу богоугодности его поступков, его набожности и религиозного рвения.

Главным недостатком мусульманской биографической литературы Бигиев считал ее предвзятость и необъективность: жизнеописания выдающихся персон мусульманского мира (правителей и политиков, или ученых и просветителей) написаны так, что первые предстают перед взором читателя как злодеи, не знавшие ничего, кроме порока и самодурства, а вторые — как монахи, жившие в состоянии крайней аскезы и отрешенности от мира. По мнению Бигиева, знакомство

¹ Бигиев М. Фэйлэсуф имам кэбир Аби эл-Галэъ эл-Мэгарри. С. 5–6.

² Коран / пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского; предисл. к изд. 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича. М.: Изд-во «Раритет», 1990. С. 421.

³ Там же. С. 29.

с такого рода литературой приводило к поражению читателя двумя тяжкими недугами:

«Во-первых, наше сердце в силу предписаний религии опасующееся всего дурного и несправедливости, начинает ненавидеть политику и политические науки. Это приводит к тому, что вместо самостоятельной и независимой жизни сердце предпочитает жизнь под гнетом несправедливости. И такой человек искренне упивается своей униженностью. Во-вторых, наш ум, страстно желающий знаний и просвещения, уподобляясь ученым-аскетам, начинает воспринимать отрешенность как нечто необходимое и правильное. В итоге в тупике аскезы гаснет свет разума, взор такого человека становится слепым по отношению к великолепию природы»¹.

Будучи приверженцем обновления мусульманских поведенческих паттернов Бигиев относит губительные последствия чтения традиционной биографической литературы к числу факторов, препятствующих формированию у мусульман интереса к жизни, к состязанию в обретении знаний и постижении наук, просвещению и политике, лишаящих их стремления прикладывать усилия к достижению успехов на этих поприщах и не дающих им занять достойное место среди просвещенных наций. Бигиев утверждает, что описываемый им недуг вырос на плодородной, но губительной почве обилия речей и повествований о проявлениях набожности, религиозности и богослужебного рвения той или иной видной персоны. Он подчеркивает, что поклонение и набожность должны быть глубоко интимными явлениями, поскольку кем бы ни был человек, сколько бы времени он ни провел в поклонении, эти его действия посвящаются только Господу. Вне зависимости от того, следует ли он предписаниям религии или отвергает их (*куфр*), все это имеет отношение только к нему самому. Бигиев считает, что с точки зрения исторической науки поклонение человека не может и не должно являться восхваляемым действием, поскольку оно записывается не на страницах истории, но фиксируется на скрижалях его деяний руками ангелов.

Бигиев критикует даже тех биографов ал-Ма'арри, которые, движимые любовью к нему, восхваляют его, приводя данные, относящиеся к личной жизни поэта, с трепетом упоминая места, где он учился, но при этом не понимая смысла его стихотворений. Другие по той же причине порицают имама за его, по их мнению, ущербную религиозность. Бигиев пишет:

«Я не могу солидаризироваться ни с одним из подобных биографов, так как кем бы ни был человек, биография которого описывается, я считаю некорректным высказывание в его адрес не то чтобы

¹ Бигиев М. Фэйләсүф имам кәбир Аби әл-Галәъ әл-Мәғарри. С. 7.

порицания за то, каким он был в религии, но даже высказывание похвалы в этом вопросе. Я не считаю проявлением гордости такие выражения в адрес великого наставника человечества, как “он был учащимся нашего медресе”, или “он получил официальное свидетельство об окончании нашего медресе”... необразованность является еще более большим достоинством для человека, являющегося учителем человечества и наставником всех людей»¹.

Приводя в пример пророка Мухаммада, Бигиев подчеркивает факт его необразованности. Далее Бигиев упоминает Гомера, который, несмотря на свою необразованность, в глазах европейских ученых является поэтом, «не имеющим себе равных в мире». Появление имени Гомера в книге, обращенной к тюрко-татарскому мусульманскому читателю, факт сам по себе неординарный, новаторский, поэтому Бигиев тут же упоминает основоположников арабо-мусульманской литературы, которые хоть и не заканчивали медресе, но оставили потомкам выдающиеся произведения. Все эти факты Бигиев перечисляет в русле разъяснения уже озвученной выше идеи:

«И, если почитаемая среди нас честь “являться выпускником медресе”, хоть и не представляет собой изъян, она никогда не должна становиться предметом гордости. С точки зрения выдающихся умов “окончание школы” не может считаться поводом для гордости и достоинства: с первого момента творения из среды выпускников школ не появился ни один пророк. Самые большие открытия, самые большие находки не возникли из массы обладателей свидетельств об окончании медресе. Ни один из тех, кто прославил свое имя на весь мир, совершив то или иное великое открытие, не был выпускником медресе... Можно сказать, школа, которая должна была бы расширять разум человека и границы его знания, в итоге ставит препоны на пути достижения им совершенства! Говоря иными словами, свидетельство об окончании школы подобно словам: “Совершенствование этого человека остановилось здесь. И отныне оно не будет развиваться”»².

Резюмируя свою критику существующей традиции жизнеописания выдающихся людей, Бигиев говорит:

«Я никогда не считал стоящим делом рассуждения о набожности кого бы то ни было из людей и его истовости в поклонении. Я считаю бесстыдством любые разговоры о степени набожности такого наставника человечества, каким был автор “Ал-Лузумиййат” Абу ал-‘Ала’»³.

Таким образом, Бигиев подготавливает читателя к знакомству с его собственным жизнеописанием арабского поэта.

¹ Бигиев М. Фэйлсүф имам кәбир Аби әл- Галә әл- Мәгарри. С. 8–9.

² Там же. С. 8–9.

³ Там же. С. 8.

Биография ал-Ма'арри как пример методологического переворота

Указав на недостатки мусульманской традиции при написании биографической литературы и вызванные ими губительные проблемы, негативно сказавшиеся на интеллектуальном и духовном состоянии мусульман, Бигиев делится своими мыслями о том, каким образом и базируясь на каких правилах и принципах должна осуществляться такого рода исследовательская работа. Готовя читателя к знакомству с разработанной им методологией биографического исследования, Бигиев обращается и к фигуре выдающегося правоведа Абу-Ханифы (699–767):

«... если я, занимаясь написанием истории жизни имама Абу-Ханифы, да будет доволен им Аллах, скажу: “Он ни шагу не ступил, будучи в состоянии ритуального осквернения; он никогда не спал в предрассветные часы; в течение пятидесяти лет он исполнял утренний намаз в состоянии тахарата, который совершал для ночного намаза; оказывается он, в ходе исполнения одного намаза, совершал хатм Корана; оказывается, он пятьдесят раз совершил хадж”, — то это не будет означать, что с человеческой точки зрения я доказал наличие у Имама имамов — досточтимого Абу-Ханифы — еще одного или нескольких достоинств. Ибо мой хвалебный пассаж не приведет к какому-либо значимому результату вообще, кроме лишь того, что я фактически провозглашу только один вывод: “Если ваш имам был таким, то он отправился в рай”»¹.

Очевидно, что подобную лирику ввиду ее бесполезности для читателя Бигиев считал недопустимой для биографической литературы. Поэтому он предлагает совершенно иной критерий оценки значимости человека и его деяний, в основе которого лежит принцип социальной пользы:

«Однако если я заявлю: “Благодаря свету знания этого имама миллионы последователей ислама в течение тысячи лет продвигались во тьме жизни; благодаря его путеводному свету они снискали Божье милосердие”, то, возможно, я тем самым смогу представить и показать людям одно из тысяч других достоинств этого исламского наставника. Из этих слов станет понятным, что имам является величайшей опорой в здании человечества. И каждый человек, отвечая на вопрос: “Какое место он занимает в человеческой жизни?” — пусть укажет на это его достоинство. Иначе же исполнение человеком в своем доме поклонения, которое предписано только ему, не стоит и гроша ни с точки зрения ислама, ни с точки зрения человечества»².

¹ Бигиев М. Фэйләсуф имам кәбир Аби әл-Галәъ әл-Мәғарри. С. 6.

² Там же.

Показательно, что собственно биографии ал-Ма'арри Бигиев посвящает всего два абзаца, в которых упоминает дату и место его рождения, наступление слепоты в результате болезни и чуть подробнее останавливается на том, где, каким образом и какие знания получил поэт. Столь демонстративная лаконичность Бигиева касательно событий жизни поэта, несомненно, должна была озадачить читателя, привыкшего к совершенно иному содержанию биографического повествования. Здесь и раскрывается истинный смысл названия этой части книги «*Лезумийят сахибы Эби эл-Галәһ хәзрәтләренең тәрҗемәи хәле*», в котором словосочетание «*тәрҗемәи хәле*» следует переводить как «описание его состояния», что подразумевает разговор о личности поэта, о его внутреннем мире, а не о событиях его жизни.

Говоря об арабском поэте, Бигиев в русле примера с Абу-Ханифой задает вопросы, из которых следует вывод о том, что мусульманские авторы прошлого оказались неспособными оценить ни социальную значимость, ни гуманистическую ценность творчества ал-Ма'арри:

«Несомненно, философ Абу ал-'Ала'хазрат является одним из необыкновенных людей, появившихся во вселенной ислама. Однако повсеместно каждый из таких необыкновенных людей ушел, оставив большой след в истории своего народа. Благодаря существованию таких людей народ приобретал великую пользу в религиозном и мирском аспектах своей жизни. Почему же у нашего философа не было следа и проявления во вселенной ислама? Почему благодатью трудов философа не было хоть сколько-то исправлено наше религиозное состояние, столь нуждающееся в улучшении? Почему исламские писатели, написавшие столько комментариев и супракомментариев к таким диванам, как “Мутанабби”, большинство бейтов которых представляют собой хвалебные оды и сатиру, не написали хотя бы одной строчки, хоть один комментарий, посвященный являющимся кладезем мудрости “Лузумийяту” или “Гуфранийи”?»¹

Отвечая на собственный вопрос, Бигиев поясняет, что годы жизни поэта пришлось на эпоху схоластических баталий, которые отвлекли мусульман от каких-либо полезных деяний. Вызванное этим ограничение наставлений Корана и пророческих поучений не оставило места для распространения наставлений и мудрости поэта-философа. Более того, приверженцы калама сознательно препятствовали распространению идей мудреца, поскольку тот успешно опровергал их построения и разоблачал их невежественность. И, поскольку в исламском интеллектуальном поле верх взяла схоластика, то наследие ал-Ма'арри оказалось невостребованным. По оценке Бигиева, поэма ал-Ма'арри представляет собой «...сокровищницу мудрости, открыть

¹ Бигиев М. Фэйләсүф имам кәбир Аби эл-Галәһ эл-Мәгарри. С. 10.

которую своим пером не взялся ни один из ученых ислама»¹. Так Бигиев не только дает самую высокую оценку этому произведению, но и обозначает свою миссию, подчеркивая собственное первенство в деле популяризации идей и представлений средневекового арабского поэта и мыслителя.

Именно стремясь ликвидировать существующий в арабомусульманском литературоведении пробел касательно духовных и социально-этических аспектов наследия ал-Ма'арри, Бигиев концентрируется не на рассказе о фактах его жизненного пути, а на мировоззрении поэта, в качестве иллюстраций приводя бейты из знаменитой поэмы. Такой способ подачи материала позволяет ему наиболее полно и из первых уст раскрыть отношение ал-Ма'арри к религии, познакомиться с его убеждениями о величии Бога, с его представлениями о воскрешении, с мыслями о сроке существования мироздания. Бигиев также уделяет внимание наставлению, которое ал-Ма'арри дал приверженцам калама, знатокам хадиса и предания, делится его мнением о народах, исповедующих религии небесного происхождения, его умозаключениями об исламе, знакомит с отношением философа к предрассудкам, ведет речь о его аскетизме, его полагании на волю Бога (*таваккуль*), говорит о представлении философа о себе самом и его взгляде на людей.

В конце биографического раздела Бигиев еще раз подчеркивает выдающуюся значимость творчества ал-Ма'арри для духовного и интеллектуального развития мусульман:

«Я повторюсь: если бы религиозное учение философа, его свободные мысли подобно стихотворениям других поэтов, нашли бы распространение в мире ислама, то в исламских науках не возникло бы столько заблуждений, и столько путаницы в исламских умах. Я предполагаю, что заучивание бейтов “Лузумиййат” уместно и полезно для каждого шакирда в России, в надежде, что это придаст дух, активность, силу и свободу их разуму»².

Заключение

Известно, что Бигиев произвел глубокий социально-философский анализ истории исламской цивилизации, выявив основные и второстепенные причины ее стагнации и упадка³. В этом случае он действовал в качестве исследователя извне, причем хронологически

¹ Бигиев М. Фэйләсүф имам кэбир Аби эл-Галэь эл-Мэгарри. С. 4.

² Там же. С. 56.

³ Хайрутдинов А. Исламское обновление как условие прогресса: Социально-философское исследование наследия Мусы Джаруллаха Бигиева. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG. Saarbrücken, GERMANY. 2011. 228 с.

отстоящего далеко от исследуемого им прошлого. В случае же с изложением биографии ал-Ма'арри и переводом его поэмы Бигиев как бы предоставил слово очевидцу, который в своем творчестве отразил изнутри начавшийся процесс регресса исламской цивилизации. В этом свете рассматриваемый труд Бигиева, на наш взгляд, является первым в российской (а возможно, и в мировой) исламской историографии научным трудом, предвосхитившим понятие субъективности мусульман¹ как предмета исламоведческих исследований и исследовательского поля, формирующегося на наших глазах². Действительно, частое цитирование и комментированный перевод Бигиевым поэмы ал-Ма'арри в процессе разворачивания перед взором читателя событий его жизни позволяет нам не только взглянуть на мир глазами, умом и сердцем средневекового поэта, но и получить яркое представление о взаимодействии его личного мира с окружающими социальными, религиозными и культурными реалиями, что, в свою очередь, открывает новые горизонты для восприятия, понимания и осмысления самых неожиданных и даже шокирующих нюансов исторического контекста, в котором поэт пребывал и который рефлексировал в своих поэтических репликах. В свете сказанного, раскрытие Бигиевым внутреннего мира ал-Ма'арри являет собой не только новый жанр мусульманской книжности, представленный им публике без малого сто двадцать лет тому назад, но и пример *публичной идентичности* — развивающегося в последние десятилетия субъективистского исследовательского ракурса³. В нашем случае мы можем говорить об акте публичной идентичности Мусы Бигиева, который посредством рефлексии творчества и мировоззрения ал-Ма'арри представил мусульманской общественности самого себя.

В целом Бигиев сделал шаг в направлении рационализации мусульманских жизнеописаний и трансформации биографического жанра в специфическую форму исторического исследования. Предлагаемая им методологическая и ценностная революция применительно к такого рода исследованиям перекликается с начавшимся на Западе в конце XVII в. переходом от «описания *“образцовости” и величия того или иного деятеля к исследованию его человеческих качеств, внутреннего мира»*⁴, о котором пишет Майкл Маккеон в статье «Биография, бел-

¹ Именно такое понятие предлагается О. Ю. Бессмертной в её цитируемой ниже статье.

² *Бессмертная О. Ю.* Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «История России». 2023. Т. 22. № 2. С. 175.

³ Там же. С. 182.

⁴ *Савицкий Е.* Биографическое повествование в истории и в современных исследованиях // НЛО. № 1. 2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/1/biograficheskoe-povestvovanie-v-istorii-i-v-sovremennyh-issledovaniyah.html> (дата обращения: 21.05.2025).

летристика и возникновение “идентичности” в Британии XVIII в.»¹, завершающей изданный в 2008 г. тематический сборник Оксфордского университета².

Более того, своим биографическим исследованием, а также его методологией Бигиев предвосхитил идеи, высказанные спустя несколько десятилетий видным современным историком Р. Ротбергом (Rotberg R. I., род. 1935). В частности, в статье «Биография и историография: обоюдные доказательства и междисциплинарные размышления» (Biography and historiography: Mutual evidentiary and interdisciplinary considerations) американский ученый, обосновывая право жанра биографии быть признанной в качестве легитимного исторического исследования и неотъемлемой составляющей историографии, говорит, что *«только биографы, являющиеся хорошими историками, могут “просеять пыль” прошлых времен, представить убедительные теории о решающих моментах истории и о тех, кто формировал их, что только профессиональный биограф, взяв на вооружение историографию отдельных исторических периодов и географических регионов, может объяснить, почему индивиды делали то, что они делали, когда они это делали и что они при этом думали»*³. Все сказанное выше можно проследить в биографическом исследовании Мусы Бигиева, посвященном ал-Ма‘арри.

Еще одной особенностью биографического исследования Бигиева является ее выигрышность в плане востребованности, поскольку в настоящее время наблюдается рост внимания историков к индивиду, к его роли и месту в истории. В свете сказанного, биография ал-Ма‘арри в изложении Бигиева представляет несомненный интерес для исследователей, занимающихся исламской историей и культурой. По этому поводу отрадно сообщить, что в настоящее время идет работа по переводу труда Бигиева «Ал-Лузумиййат» на татарский и русский языки. Их издание планируется в рамках масштабного проекта «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление», реализуемого под эгидой Духовного управления мусульман Российской Федерации, Московского исламского института и личным руководством доктора теологии Д. В. Мухетдинова.

¹ Дунаева Ю. В. Жизнеописание: биография и текстуальность, идентичность и представления в Англии раннего Нового времени. *Writing lives: Biography and textuality, identity and representation in Early Modern England* / Ed. By K. Sharpe, S. N. Zwicker. Oxford: Oxford Univ. press, 2008. 370 p. (Реферат) // Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Дунаева Ю. В. М., 2011. 173 с. С. 94–110.

² *Writing Lives: Biography and Textuality, Identity and Representation in Early Modern England* / Eds. K. Sharpe, S. N. Zwicker. Oxford: Oxford University Press, 2008. 369 p.

³ Цит. по: Историческая биография. С. 36.

Литература

Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. Стихотворения / пер. с араб. А. Тарковско-го. Вступ. ст., прим., подстроч. пер. И. Фильштинского. — М.: Художественная литература, 1979. — 184 с.

Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. Избранное / пер. с араб.; сост. предисл., прим. Б. Шидфар; подстрочн. пер. стихов И. Фильштинского и Б. Шидфар; худ. А. Семенов. — М.: Худ. лит., 1990. — 430 с.

Бессмертная О. Ю. Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 174–187.

Бигиев М. Фэйлэсуф имам кэбир Аби эл-Галэъ эл-Мэгарри хэзрэтлэренен эл-Лэзүмийят намында бөөк эсэрэндэн интихабэн бер биң өч йөз кадэр эбьят гыйльмийэ тәржемэ улынды Муса Бигиев каләмелэ. — Казань: Электро-типография Шараф, 1907. — 266 с.

Бигиев М. Диван-ы Хафиз тәржемәсе. — Казан: «Үрнәк» матбага-сы, 1910. — 145 б.

Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). — Oxford: The Society for Central Asian Studies, 1986. — 216 с.

Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей / Пер. с нем. [и предисл.] П. И. Хомутова; Иоганн Гаури, пастор в Давосе. — Ташкент: типо-лит. бр. Каменских, 1893. 578 с.

Дунаева Ю. В. Жизнеописание: биография и текстуальность, идентичность и представления в Англии раннего Нового времени. *Writin-glives: Biography and textuality, identity and representation in Early Modern England* / Ed. by K. Sharpe, S. N. Zwicker. — Oxford: Oxford univ. press, 2008. — 370 p. (Реферат) // Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Дунаева Ю. В. — М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 94–110.

Из сборника «Лузумийят» / пер. с араб. В. Демидчика // Восточный альманах. — М., 1962. — Выл. 5. — С. 327–332.

Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Дунаева Ю. В. М., 2011. — 173 с.

Коран / пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. Предисл. к изд. 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича. — М.: Изд-во «Раритет», 1990. — 528 с.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 2. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 702 с.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 3. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 466 с.

Крымский А. Е. Арабская литература в очерках и образцах. — М.: Типо-лит. Ю. Винер, 1911. — 402 с.

Фәхретдин Р. Әбу әл-Галә әл-Мәғарри. — Оренбург: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1908. — 76 с.

Хайрутдинов А. Исламское обновление как условие прогресса: Социально-философское исследование наследия Мусы Джаруллаха Бигиева. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG., 2011. — 228 с.

Шидфар Б. Я. Абу-ль-Аля ал-Маари. — М.: «Наука», 1985. — 214 с.

Широян С. Г. Великий арабский поэт и мыслитель Абу-ль-Аля ал-Ма'арри. — М.: «Знание», 1957. — 32 с.

Шихабутдин Марджани. Верность предшественникам и приветствие потомкам: Перевод с арабского избранных биографий, исследование, комментарии, факсимиле разделов о Волго-Уральском регионе. — Казань: Магариф — Вакыт, 2022. — 856 с.

Энциклопедический словарь. Т. XVI (31). Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). — СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрон, 1895. — 480 с.

Энциклопедический словарь. Т. XVIII (35). Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). — СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрон, 1896. — 480 с.

Encyclopædia Britannica. Eleventh edition (1910–1911). Vol. 23. — Cambridge: Cambridge University Press. — 1074 p.

Writing Lives: Biography and Textuality, Identity and Representation in Early Modern England / Eds. K. Sharpe, S. N. Zwicker. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 369 p.

References

Abu-l'-Ala al'-Maarri. (1979). *Stikhotvoreniia* [Poems]. Per. s arab. A. Tarkovskogo. Vstup. st., primech., podstroch. per. I. Fil'shtinskogo [Transl. from Arabic by A. Tarkovsky. Introduction and subscript by I. Filshtinsky]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. 184 p. (In Russian)

Abu-l'-Ala al'-Maarri. (1990). *Izbrannoe* [Favourites]: Per. s arab. / Sost. predisl., prim. B. Shidfar; Podstrochn. Per. stikhov I. Fil'shtinskogo i B. Shidfar; khudozh. A. Semenov [Transl. from Arabic. B. Shidfar (compl., introd., notes); I. Filshtinsky (subscript of poems) and B. Shidfar (subscript of poems)]. Moscow: Khudozh. lit. Publ. 430 p. (In Russian)

Bessmertnaia O. Iu. (2023). Chto nam delat's "musul'manskoi sub"ektivnost'iu"? Perspektivy i "lovushki" issledovatel'skogo podkhoda v

istoriograficheskom kontekste [What are We to do with “Muslim subjectivity”? Prospects and Pitfalls of the Research Approach in a Historiographical Context]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorii Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 22. No. 2, pp. 174–187. (In Russian)

Bigiev M. (1907). *Feilesyf imam kebir Abi el-Gale el-Megarri khezretlerenen el-Luzymiiat namynda buek eserenden intikhaben ber bin uch iyz kader eb'iat gyil'miie tergeme ulyndy Musa Bigiev kalemeile* [A Selective Translation from the Great Work “al-Luzumiyat” by the Outstanding Philosopher, the Venerable Imam Abu-l'-Ala al'-Maarri]. Kazan: Elektro-tipografiia Sharaf Publ. 266 p. (In Tatar-Ottoman)

Bigiev M. (1910). *Divan-y Khafiz terjemese* [Translation of Hafiz's Poetry Collection]. Kazan: “Yrnək” matbagasy Publ. 145 p. (In Tatar-Ottoman)

Dunaeva Iu. V. (2011). Zhizneopisanie: biografiia i tekstual'nost', identichnost' i predstavleniia v Anglii rannego Novogo vremeni = Writing lives: Biography and textuality, identity and representation in Early Modern England / Ed. by K. Sharpe, S. N. Zwicker. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. — 370 p. (Report). *Istoricheskaia biografiia: Sovremennye podkhody i metody issledovaniia: Sb. obzorov i ref.* [Historical Biography: Modern Approaches and Research Methods: A Collection of Reviews and Abstracts]; Tsentri sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. istorii, tsentr gumanit. nauchn.-inform. issled. Otd. iazykoznanii; Dunaeva Iu. V. (editor-in-chief). Moscow: INION RAN Publ., pp. 94–110. (In Russian)

Istoricheskaia biografiia: Sovremennye podkhody i metody issledovaniia: Sb. Obzorov i ref. [Historical biography: Modern Approaches and Research Methods: A Collection of Reviews and Abstracts] (2011).; Tsentri sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. istorii, tsentr gumanit. nauchn.-inform. issled. Otd. iazykoznanii; otv. red. Dunaeva Iu. V. Moscow: RAN. INION Publ. 173 p. (In Russian)

Koran. (1990). Per. s arab. akad. I. Iu. Krachkovskogo. Predisl. k izd. 1963 g. V. Beliaeva, P. Giaznevicha [Transl. From Arabic by I. Yu. Krachkovsky. V. Beliaeva (intr.), P. Giaznevicha (intr.)]. Moscow: Izd-vo “Raritet” Publ. 528 p. (In Russian)

Krachkovsky I. Yu. (1956). *Izbrannye sochineniia* [Selected Writings]. Vol. 2. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ. 702 p. (In Russian)

Krachkovsky I. Yu. (1956). *Izbrannye sochineniia* [Selected Writings]. Vol. 3. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ. 466 p. (In Russian)

Krymsky A. E. (1911). *Arabskaia literatura v ocherkakh iobraztsakh* [Arabic Literature in Essays and Samples]. Moscow: Tipo-lit. Iu. Viner Publ. 402 p. (In Russian)

Fəkhretdin R. (1908). *Ebu el-Gale el-Megarri* [Abu-l-Ala al-Maarri]. Orenburg: Parovaia tipo-litografiia “T-va Karimov, Khusainov i K” Publ. 76 p. (In Old Tatar)

Gauri I. (1893) *Islam v ego vliianii na zhizn' ego posledovatelei* [Islam in Its Influence on the Lives of Its Followers]. Transl. from German by P.I. Khomutova; Iogann Gauri, pastor v Davose. Tashkent: Tipo-Lit. Kamenskikh Broth. Publ. 578 p. (In Russian)

Iz sbornika “Luzumiiat” [From the Collection of Poems “Luzumiyyat”] (1962). Transl. from Arabic by V. Demidchika. *Vostochnyi al'manakh* [Eastern Almanac]. Moscow. Issue 5, pp. 327–332. (In Russian)

Khayrutdinov A. (2011). *Islamskoe obnovlenie kak uslovie progressa: Sotsial'no-filosofskoe issledovanie naslediiia Musy Dzharrullakha Bigieva* [Islamic Renewal as a Condition for Progress: A Socio-Philosophical Study of Musa Jarullah Bigiev's Legacy]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 228 p. (In Russian)

Shidfar B. Ia. (1985). *Abu-l'-Alia al'-Maari* [Abu-l-Ala al-Maarri]. Moscow: “Nauka” Publ. 214 p. (In Russian)

Shihabutdin Mardzhani. (2022). *Vernost' predshestvennikam i privetstvie potomkam: Perevod s arabskogo izbrannykh biografii, issledovanie, kommentarii, faksimile razdelov o Volgo-Ural'skom regione* [Loyalty to Predecessors and Greetings to Descendants: Translation from Arabic of Selected Biographies, Research, Comments, Facsimiles of Sections about the Volga-Ural Region]. Kazan: Magarif-Vakyt Publ. 856 p. (In Russian)

Shiroian S. G. (1957). *Velikii arabskii poet i myslitel' Abu-l'-Alia al'-Maarri*. Moscow: “Znanie” Publ. 32 p. (In Russian)

Entsiklopedicheskii slovar' [The Encyclopedic Dictionary]. (1895). Vol. XVI (31). Izdateli: F. A. Brokgauz (Leiptsig), I. A. Efron (S.-Peterburg). S.-Peterburg: Tipo-Litografiia I. A. Efron Publ. 480 p. (In Russian)

Entsiklopedicheskii slovar' [The Encyclopedic Dictionary]. (1896). Vol. XVIII (35). Izdateli: F. A. Brokgauz (Leiptsig), I. A. Efron (S.-Peterburg). S.-Peterburg: Tipo-Litografiia I. A. Efron. 480 p. (In Russian)

Encyclopædia Britannica. Eleventh edition (1910–1911). Vol. 23. Cambridge: Cambridge University Press. 1074 p.

Validov J. (1986). *Outline of the History of Education and Literature of the Tatars Before the Revolution of 1917*. Oxford: The Society for Central Asian Studies. 216 p. (In Russian)

Writing Lives: Biography and Textuality, Identity and Representation in Early Modern England. Eds. K. Sharpe, S. N. Zwicker. Oxford: Oxford University Press, 2008. 369 p.

“AL-LUZUMIYYĀT” BY MUSA BIGIEV AND THE FEATURES OF THE BIOGRAPHY OF ABU AL-‘ALA’ AL-MA‘ARRI*

Abstract. The article presents a brief overview of Musa Bigiev’s translation work “Al-Luzumiyyāt”, in which he introduced readers to the work of the medieval Arab philosopher al-Ma‘arri, making a selective translation of his poems “Luzum mā lā yalzam” to the eighth letter of the Arab alphabet inclusive. Russian historiography was investigated, associated with the name of the poet in which the Tatar authors M. Bigiev (1907) and R. Fakhretdinov (1908) are the first representatives of the domestic scientific community to draw attention to the biography and work of Al-Ma‘arri, ahead of I. Krachkovsky (1910) and A. Krymsky (1911). The main points of Bigiev’s criticism of the traditions and methodology of Muslim biographical literature are shown, where he draws attention to its bias, prejudice and distortions when describing the biographies of prominent figures of Muslim history. In his opinion, this approach was sharply negative on the spiritual and intellectual state of Muslims, directing them to false tasks and goals. The article reveals Bigiev’s innovative understanding, methodology and extraordinary approaches to biography as a historical and literary genre, his desire to give such research spiritual, intellectual and scientific significance. Bigiev focuses on the description of the social benefit brought by one person or another, and offers to refuse to describe his religious zeal and piety, as qualities that have a deeply personal nature and not representing value from the point of view of historical science. Thus, Bigiev denotes new value guidelines for himself and for the biographers of the future. The conclusion talks about a number of methodological and, in general, the scientific

Sacred Texts, Doctrinal Literature...

phenomena of our time, about which Bigiev announced more than a hundred years ago, having acted as a researcher who ahead of scientific progress for the century. We are talking about his study of the subjectivity of Muslims and his instance of public identity, which are research areas that have arisen in recent decades of the development of science.

Keywords: Bigiev, al-Ma'arri, al-Luzumiyyāt, historical biography, subjectivity of Muslims

For citation: Khayrutdinov A. G. "Al-Luzumiyyāt" by Musa Bigiev and the Features of the Biography of Abu al-'Ala' al-Ma'arri. *Islam in the modern world*. 2025; 21(2):185–206. (In Russ.); DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-2-185-206

Received: 15.04.2025

Review received: 18.05.2025

Accepted: 03.06.2025

Aidar G. KHAYRUTDINOV,

Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; Acting Head,
Department of the History of Religions and Public Thought named after
Yahya G. Abdullin, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
(7, Baturina Str., Kazan, 420014, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation);
Head, Bigiev's Heritage Research Centre, Moscow Islamic Institute
(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, the Russian Federation).
E-mail: khaidar67@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0648-0466

